

УДК 821.111-3(73)
ББК 84(7Сое)-44
К16

Иллюстрация на фронтиспise:
Франсиско Гойя «Правда умерла»
(из серии гравюр «Бедствия войны»)
© The Trustees of the British Museum / Art Resource, NY

Какутани, Митико.

К16 Смерть правды / Митико Какутани ; [пер. с англ. Л. Сумм]. — Москва : Эксмо, 2019. — 256 с.

ISBN 978-5-04-100796-6

Лауреат Пулитцеровской премии, влиятельный литературный критик и многолетний литературный обозреватель The New York Times Митико Какутани — об общемировом затмении рассудка в эпоху постмодерна.

Правда стала исчезающим видом: повестка властных элит и медиа всего мира сегодня как никогда далека от реальности. Под натиском «альтернативных истин» и откровенных фейков мы сами утратили навыки критического мышления, позволив авторитарным правительствам манипулировать нами. О том, как это случилось, — книга Какутани. Автор обращается к трудам крупнейших интеллектуалов XX века — таким, как Джордж Оруэлл и Ханна Арендт, — чтобы нарисовать пугающий образ современности, в которой псевдособытия формируют реальность, а культурный язык деградировал до поистине опасного уровня. «Смерть правды» — это не только актуальная публицистика, но и книга, возвращающая способность критически мыслить в эпоху, когда истины утрачены.

УДК 821.111-3(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-100796-6

Copyright © Michiko Kakutani, 2018
© Любовь Сумм,
перевод на русский язык, 2018
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2019

*Журналистам,
которые добывают
подлинные новости
во всех уголках Земли*

Введение

ДВА САМЫХ ЧУДОВИЩНЫХ РЕЖИМА за всю историю человечества установились в XX столетии, и обоим в высшей степени присущи искажение и осквернение истины, подлое понимание, что усталость, цинизм и страх сделают людей восприимчивыми ко лжи и фальшивым посулам вождей, стремящихся к неограниченной власти. Как писала Ханна Арендт в книге «Истоки тоталитаризма»: «Идеальный подданный тоталитарного режима — это не убежденный нацист или убежденный коммунист, а человек, для которого более не существуют различия между фактом и фикцией (то есть реальность опыта) и между истинной и ложью (то есть нормы мысли)»¹.

Современного читателя больше всего должен встревожить тот факт, что слова Арендт перестают звучать как послание из иного столетия и кажутся пугающе точным опре-

делением того политического и культурного ландшафта, где мы обитаем ныне, — мира, где фейковые новости и ложь в промышленных объемах производятся российскими фабриками троллей, непрерывным потоком текут из уст и Twitter президента Соединенных Штатов и, подхваченные соцсетями, со скоростью света распространяются по всему земному шару. Национализм, трайбализм, миграции, страх перед социальными переменами и ненависть к чужакам вновь усиливаются, а люди, разделенные на группировки и запертые в информационных пузырях, утрачивают чувство общей реальности и способность общаться поверх социальных и идеологических барьеров.

Не следует проводить прямую аналогию между нынешней ситуацией и ошеломляющими ужасами эпохи Второй мировой войны. Но стоит присмотреться к некоторым внешним и внутренним условиям, «сигналам опасности», которые Маргарет Этвуд обнаружила у Оруэлла в «Скотном дворе» и «1984»²: эти условия делают человека восприимчивым к демагогии и политическим манипуляциям, а народы — легкой добычей диктаторов. Стоит ра-

зобратся в том, как пренебрежение фактами, подмена аргументов эмоциями и распад языка подрывают ценность самой истины и каковы последствия этого для Америки и мира в целом. «Историк понимает, насколько тонка ткань фактов, внутри которой мы обитаем, — писала Арендт в эссе 1971 года «Ложь в политике». — Ее в любой момент может проткнуть отдельная ложь или разорвать в клочья организованная ложь групп, государств, классов; истину отрицают, искажают и зачастую тщательно покрывают слоями лжи или попросту допускают, чтобы она соскользнула в забвение. Необходимо постоянно повторять факты, чтобы они не были забыты, необходимы надежные свидетели для установления фактов — только так они получают неприкосновенное обиталище в области человеческой повседневности»³.

Термин «упадок истины» — введенный Корпорацией «Рэнд»* (Rand Corporation) для описания «снижающейся роли фактов и анали-

---

* Научно-исследовательский центр в Санта-Монике (Калифорния), один из крупнейших «мозговых трестов» США. Основан в 1946 году.

за»⁴ в общественной жизни Америки — вошел в словарь постправды и присоединился к ставшим уже привычными выражениям «фейковые новости» и «альтернативные факты». Причем фейковые нынче не только новости: существует фейковая наука (создаваемая теми, кто не признает изменений климата и борется против прививок), фейковая история (исходящая от тех, кто сомневается в Холокосте или утверждает власть белых), фейковые американцы в Facebook (изображаемые российскими троллями) и фейковые «лайки» в соцсетях (генерируемые ботами).

Трамп, сорок пятый президент Соединенных Штатов, лжет так изобильно и с такой скоростью, что, согласно подсчетам The Washington Post, за первый год в Белом доме успел сделать 2140 лживых или вводящих в заблуждение заявлений⁵, в среднем почти 5,9 в день. И эта ложь обо всем, от расследования российского следа в американских выборах до его личной популярности и достижений, включая сколько времени он просиживает перед телевизором, — лишь самый яркий красный маячок среди множества других грозных сигналов

о развернувшейся кампании против демократических институтов и норм. Трамп регулярно проявляет агрессию по отношению к системе правосудия, спецслужбам, системе выборов и гражданским чиновникам, благодаря которым функционирует правительство.

Такие нападки на правду происходят отнюдь не только в пределах Соединенных Штатов. По всему миру вздымаются волны популизма и фундаментализма, апелляция к страху и ненависти берет верх над аргументированным спором, демократические институты подрываются, экспертные знания подменяются мудростью толп. Ложные сведения о финансовых взаимоотношениях Великобритании с ЕС (надпись на автобусе, использованном в кампании сторонниками выхода из Евросоюза⁶) способствовали тому, что чаша весов склонилась в пользу Брекзита, и Россия, посеявшая *дезинформацию**,

---

* Здесь и далее курсивом, как у автора, выделены русские слова (в оригинале транслитерированные латиницей). Слово «дезинформация» встречается в тексте и в его обычной форме без дополнительных смыслов, но *дезинформация* обозначает именно российский источник.

продолжала наращивать пропагандистские усилия во время избирательных кампаний во Франции, Германии, Нидерландах и других странах, добиваясь дискредитации и дестабилизации демократий.

Папа Франциск напоминает: «Не существует безвредной дезинформации: последствия лжи и ее принятия могут быть очень опасными»⁷. Экс-президент Барак Обама замечал: «Одна из главных угроз нашей демократии заключается в том, что для нас перестает существовать общность фундаментальных фактов»⁸. По его словам, люди ныне «действуют в принципиально разных информационных вселенных». Сенатор-республиканец Джефф Флейк произнес предостерегающую речь о том, что «2017 год стал годом, в который истина — объективная, эмпирическая, основанная на доказательствах истина — подверглась такому надругательству, какого еще не знала за всю историю нашей страны, причем от рук самого могущественного человека в нашем собственном правительстве»⁹.

Как это произошло? Где корни лжи, проросшей в эпоху Трампа? Как случилось, что правда

и разум превратились в исчезающие виды и чем их гибель обернется для публичного дискурса и для будущего нашей внутренней и внешней политики? Вот основная тема этой книги.

Проще всего счесть Трампа — кандидата, начавшего политическую карьеру с обличения Обамы как «неуроженца США», — черным лебедем, залетевшим в Белый дом благодаря редчайшему совпадению факторов: к числу этих факторов принадлежит и разочарование электората, еще не отошедшего от финансового кризиса 2008 года; и российское вмешательство в выборы, обеспечившее в соцсетях поток фейковых новостей в пользу Трампа. Поляризовавшая избирателей кандидатура от конкурирующей партии — Хиллари Клинтон — воспринималась как воплощение вашингтонской элиты, что и принялись изобличать популисты; а еще добавилось, по приблизительной оценке, примерно на пять миллиардов медийного времени¹⁰, бесплатно предоставленного СМИ в погоне за приростом аудитории, который обеспечивала им бывшая звезда реалити-шоу.

Если бы писатель сочинил злодея, подобно-го Трампу — преувеличенный, перехлестывающий через край нарциссизм, невежество, склонность к предрассудкам, хамство, демагогия и тиранические порывы (а еще он ежедневно потребляет дюжину баночек диет-колы¹¹), — этого автора обвинили бы в избыточном вымысле и неправдоподобии. На самом деле президент Соединенных Штатов зачастую выглядит менее убедительным персонажем, чем карикатура, созданная обезумевшим художником из смешения короля Убю*, пса Триумфа** и персонажа, не вошедшего в комедию Мольера.

Но клоунские черты Трампа не должны заслонять от нас куда более серьезные последствия его агрессии против истины и закона: он обнажил все уязвимые места наших инсти-

---

* Герой пьесы французского абсурдиста Альфреда Жарри (1873—1907).

** Кукла, комический персонаж, который (с помощью своего создателя Роберта Смигела) пародирует знаменитостей в медиа, говоря при этом с восточно-европейским акцентом.

тутов и цифровых коммуникаций. Едва ли кандидат, неоднократно уличенный во время кампании в долгой истории лжи и мошеннических практик в бизнесе¹², мог бы рассчитывать на такую народную поддержку, если бы значительная часть электората не была несколько пресыщена правдивостью и если бы не сказались еще более глубокие системные проблемы в том, как люди получают информацию и как они привыкают мыслить все более партийно и раздробленно.

В Трампе личные черты — тоже аспект политики, и во многих отношениях он не столько чудище из комикса, сколько доведенное до крайности и абсурда воплощение более широких и взаимодействующих тенденций, которые сейчас и разрушают истину: от смешения новостных и политических программ с развлекательными до токсичной поляризации американской политики и нарастающего популистского презрения к экспертному знанию.

Эти тенденции, в свою очередь, продолжают динамику, много лет вызревавшую под поверхностью повседневной жизни. Так склады-